



УДК 908

Характеристика служилого «города» Мурома в начале XVII века*



Ершов Виктор Евгеньевич, краевед, член литературно-художественной группы «Зеленая лампа»

craeved-myrom@mail.ru

Аннотация: Служилый «город» (уездная корпорация дворян и детей боярских.) Мурома возник в Московском государстве, предположительно, в XV веке. Основу его составляли служилые люди (дворянство по приказу воевод должны были «конно, людно и оружно (иногда, еще и красно)» явиться в назначенное для службы место) и дети боярские (низший класс служилых людей), верстанные (смотр служилых людей и определение на службу) выполнять государственную, в основном военную службу. Служба государству для них была смыслом жизни. Начиная с середины XVI века служилая корпорация Руси становится опорой государя. Первая половина XVII века — это время тяжелых испытаний служилого сословия Руси, поэтому я поставил перед собой цель — охарактеризовать служилый «город» Мурома в начале XVII века. Для достижения этой цели необходимо было решить следующие задачи: выявить историю и состав служилого «города» Мурома в начале XVII века; определить порядок верстания служилых людей и детей боярских муромцев в 1605 году; проанализировать поместное и денежное кормление муромцев в начале XVII века; сравнить размеры поместных и денежных окладов детей боярских муромцев в конце XVI и в начале XVII веков; проанализировать «наполняемость» землями поместных окладов муромцев в начале XVII века. **Ключевые слова:** служилый «город» Мурома, муромцы, верстание, поместное кормление, денежное кормление.

* В авторской редакции.

Служилая корпорация Муром в начале XVII века. Сведения о служилом «городе» Муром в начале XVII века, до правления Василия Шуйского. В начале XVII века, когда «Большие» бояре, не довольные избранием Бориса Годунова на престол и наведением порядка в государственном управлении, проводили скрытую борьбу, муромцы, как и служилые люди других уездных северо-восточных городов Руси, верно служили царю. В 1602 году Николай Степанов сын Юрьева и Истома Алексеев сын Черткова состояли в «государевом дворе», Григорий Федоров сын Елизарова служил в Саратове, Григорий Иванов сын Новосельцова был на службе в Шатцком [1, л. 1–84].

На фоне обострившейся из-за голода 1601–1603 годов ситуации в государстве Лжедмитрий летом 1604 года, собрав войско, выступил в поход в юго-западных областях Руси. События, развернувшиеся далеко от Мурома, сначала мало затрагивали жителей города и уезда, так как происходили они далеко от города. Служилые люди, верные присяге Московскому царю, выполняли свои обязанности. В 1604 году в составе русского войска, посланного против самозванца, в передовом полку с князем Василием Васильевичем Голицыным было сто тридцать четыре муромца. Кроме них, в сторожевом полку с окольничим (московский придворный и думный чин, одним рангом ниже боярского) и воеводою Иваном Ивановичем Годуновым из Мурома были губной староста (выборное лицо из дворянского сословия, обладающий судебной и полицейской властью в губе

(округе)) Семен Чегодаев и с ним два человека конных, губной староста Семен Чертков и с ним три человека конных, а также городской приказчик Иван Опраксин и Федор Нагилин с конным человеком. Известен также факт поставки в русское войско, посланное против Лжедмитрия, Стефанидой, женой служилого Назара Волинского, двух конных человек [2, л. 1–164].

Уже после смерти Бориса Годунова в апреле 1605 года, когда войско Лжедмитрия направилось в Москву, в отдаленных областях Руси не было единодушия среди населения. Жители городов и уездов разделились на тех, которые стояли за царя, сидевшего в Москве, и тех, которые верили в возрождение царевича Дмитрия. Окончательный поворот в пользу последнего был сделан в июле 1605 года, после того, как вновь объявленный патриархам Руси рязанский архиепископ Игнатий разослал по областям, в том числе и в Муром, грамоты с извещением о восшествии Дмитрия на престол. В другой грамоте было приказано приводить людей к присяге: «узнав прирожденного государя своего <...> и нам служили и прямили во всем...» [3, с. 428]. В том же году разбор (регулирование службы дворян и других служилых людей по ведомости) в служилом «городе» Муром проводился уже по указу Лжедмитрия.

На фоне недовольства Московской княжеской знати Лжедмитрий больше опоры делал на провинциальное дворянство [4, с. 168]. В грамоте от 31 января 1606 года «великий государь» велел объявить «жалованное слово» «служилым и всяким людям, <...> велел их



беречи и нужи их рассматривати, чтоб им ни в чем нужи не было» [5, л. 493].

Сведения о служилой корпорации Мурома в годы правления Василия Шуйского и «семибоярщины». В октябре 1606 года, сразу же после воцарения, Василий Шуйский в ответ на коллективную отписку дворян и детей боярских, священников и посадских людей Мурома, в которой они сообщали «что Шатцкой и Темников, и Казань, и Касимов, и Елатьма, и Алатырь, и Арзамас своровали <...> и изменили и на Муром хотят приходиться войной», направил в Муром воеводе Григорию Варфоломеевичу Языкову грамоту. В ней было велено «провести смотр служилых людей по списку и им биться с изменниками» [6]. «Именно в это время возникало новое явление — городовые воеводы, не присланные из Москвы, а лидеры местной знати» [7, с. 103]. Таким воеводой, выделенным из служилого «города», был Григорий Языков.

Но не все служилые люди в Муроме приняли воеводство Григория Языкова. В это время часть служилого «города» Мурома перешла на сторону изменивших городов. Во главе «измены» были выборные дворяне с более высоким окладом Григорий Елизаров и губной староста Семен Чаадаев, которых за дело назначение воеводой в городе Григория Языкова, занимавшего низшее по сравнению с ними место в служебной корпорации «города» [8, с. 167]. Уже в декабре 1606 года в Муром была направлена грамота великого князя Шуйского Василия Ивановича дворянам, детям боярским, целовавшим крест Московскому царю, Григорию Языкову, Ивану

Плещееву, князю Ивану Болховскому, Федору Дурасову, Микифору Мертвому, Федору и Михаилу Языковым. В грамоте упоминаются дети боярские, изменники Григорий Елизаров и сын его Михаил, Семен Чаадаев и сын его Михаил, которых «в тюрьму посадили». Изменили царю также Петр Власьев, Иван Чюркин, Петр Копнин, Григорий Новосильцов, Данило Рыцарь, Иван Григорьев сын Черткова, Петр Ратаев, Иван Гаврилов сын Мертвого. Их предписывалось «прислать в Москву в оковах» [9].

Стремительно разворачивались события в Муроме в 1607–1608 годах. По-прежнему не весь служилый «город» был предан Василию Шуйскому. Причиной этому была, как уже отмечалось ранее, междоусобная борьба между представителями «одних и тех же сословий или просто сословная рознь» [10, с. 16]. В 1607 году «послал царь Василий воевод Григория Григорьева сына Пушкина, да Сергея Одурова с ратными людьми под Муром, под Арзамас, и города многие поворотили царю Василию и ко кресту привели» [11, с. 44]. Тогда многие служилые люди стекались в Москву. Некоторые из них, ранее пожалованные Василием Шуйским, по причине преданности ему, другие в страхе за жизнь своей семьи. «Дворяне и дети боярские слышаше такие беды покиня свои дома, з женами и з детьми приидоша к Москве» [12, с. 79]. В подтверждении этого осенью 1608 года архимандрит нижегородского Вознесенского монастыря Иоиль уверял луханцев и балахонцев, бывших на стороне Лжедмитрия, что в Муроме и Владимире ратных людей нет, а те, что «сму-

тели» город, ушли под Москву [13, с. 140].

В 1608 году Василий Шуйский писал, что «наши грады все Московского от Москвы отступились. Лишь немногие города стояли в твердости: Казань и Великий Новгород, Смоленск и Нижний, Переславль Рязанский и Коломна, царство сибирское, а то все прельстились на дьявольскую прелесть» [12, с. 84]. В этом году Муром наравне с Владимиром, Суздалем, Ярославлем и Ростовым укреплялся Владимирским воеводой князем Третьяком Сетовым по поручению Лжедмитрия [14, с. 31].

Только в марте 1609 года «боярин Федор Иванович Шереметов да Иван Салтыков очистили Нижний, Кострому, Муром, Владимир от воров и Литовских людей» [11, с. 17]. До этого события, в начале 1609 года, отряд литовского ротмистра А. Крупки жестоко расправился с восставшими против власти самозванца «в Муроме дворян и детей боярских и черных людей много побили насмерть и из Мурома пришли во Владимир» [15, с. 55].

В мае 1609 года была послана похвальная грамота «От царя и Великого князя Василия Ивановича в Муром <...> Вас по вражьему действию, воры пришедши в Муром прельстили, и Вы по неволе ворах крест целовали, а как наши люди пришли в Муром, Вы против них не стояли и людей наших в город пустили и крест целовали» [16, с. 12].

В последующие годы служилый «город» Мурома был опорой Москвы в войне со сторонниками самозванца. В июне 1610 года по царской грамоте околичному князю Василию Мосальскому было велено, «со всеми людьми идти в Муром, а из Мурома в Касимов.

Нам их пожаловать, дать под Нижним нашу службу жалование и корм, и служить они будут 2 года. И тебе единолично дать им денег хотя бы не и свелика да и запасу, а велеть им быть в службе с тобой в Муроме и в Касимове» [17]. В феврале–марте следующего 1611 года муромцы в составе рати воеводы князя Василия Мосальского «шли к Москве и осадили ее» [11, с. 59].

На протяжении 1611–1612 годов Муром становится местом сбора рати воеводой князем Василием Мосальским.

Сведения о служилом «городе» Муроме в начале XVII века, после воцарения Михаила Федоровича Романова. Делегаты от Мурома присутствовали 21 февраля 1613 года в Москве на Земском Соборе, на котором «всенародно» царем был избран Михаил Федорович Романов. Сразу же после венчания служилый «город» Мурома присягнул на верность новому царю.

Имеются сведения об участии в 1614–1615 годах в походах против казаков под руководством воеводы М. П. Барятинского двадцати одного муромца [11, с. 20]. Представители служилого «города» также направлялись на дальнюю службу с воеводой Ф. И. Шереметьевым под Псков для помощи псковитянам в борьбе со шведским королем. В эти же годы в Муроме воевода М. С. Дмитриев собирал детей боярских из Мещеры и Арзамаса [11, с. 21].

В 1615–1616 годов А. Лисовский во время своего рейда по уездам Замосковского края был под Муромом. В материалах Дворцового приказа имеется следующая запись: «10 ноября 1615 года государь приказал Михаилу Сам-

сонову сыну Дмитриеву собраться с людьми в Муроме и идти на Лисовского. Лисовский из замосковных городов пришел к Мурому, а от Мурома пошел на Рязанские места. И писали к государю стольники и воеводы князь Василий Тюренин с товарищи, что Лисовский из Рязанских мест пошел к Туле, и они за Лисовским пошли. А Лисовский пришел под Муром, посады выжег и уезды повоевал, и к городу приступил, и не единова. А в Муроме были воеводы Богдан Иванов сын Полева, дьяк Федор Опраксин. И стоял Лисовский под Муромом пять дней и пошел на Касимов» [18, с. 58]. В Разрядных записях того периода времени имеются сведения о наличии муромцев в состав рати, преследовавшей Лисовского [11, с. 205].

В последующие годы, вплоть до 1618 года, когда Смоленск по условиям Деулинского перемирия между Русью и Речью Посполитой, отошел к Польше, некоторые муромцы принимали участие в боевых действиях под Смоленском.

Смутное время, этот короткий период в истории Руси, обнажил накопившиеся проблемы в Русском государстве. Борьба «Больших» бояр за власть, местничество на всех уровнях власти, ослабило государственную власть. В уездных замосковных городах межсословная рознь стала одной из основных причин шатания служилой корпорации этих городов вплоть до 1611–1613 годов, когда национально-патриотические чувства преобладали над частными интересами служилых людей.

Верстание служилого «города» Муро-

ма в 1605 году. Денежное верстание муромцев по разрядной десятне 1605 года.

«Смутное время», несомненно, во многом определило особенности верстания служилых людей и детей боярских замосковных служилых «городов», обеспечения их поместными землями и денежным содержанием. Как уже отмечалось ранее, в начале XVII века регулярно проводилось верстание служилых людей и детей боярских в уездных городах. В источниках того периода времени имеются ссылки на разрядные десятни (регулярно составляемый список дворян и детей боярских (как правило, одного уезда или пятины) с указанием их оклада) 1601, 1603, 1604 годов. При изучении служилого «города» Мурома начала XVII века были использованы материалы разрядных десятин 1597, 1605 годов, а также частные грамоты Разрядного и Поместного приказов (ведомства, регулировавшие верстание служилых людей, отдел и отписку поместий на государя).

В конце 1605 года, по указанию Лжедмитрия, в Муроме, как и в других городах Руси, было проведено верстание служилых людей. Всего в «городе» денежными окладами (символическая цифра четвертей, на которую мог претендовать служилый человек) было верстано сто двенадцать муромцев, дворян и детей боярских, «которые служат старо и новиком (новобранец, вновь поступивший в должность на службу) служилых и не служилых» (лицо, принадлежащее к дворянству, но не состоящее на военной или гражданской службе (или не имеющее опыта такой службы)). Из них семьдесят два человека состоя-

ли на государственной службе еще до 1605 года и к моменту верстания уже имели денежные оклады [19, л. 9 об.].

Двадцать муромцев, представителей «добрых» (средние феодалы, владеющие вотчинами) родов были записаны в «дворовых». Ранее же, в десятне 1604 года, четверо «дворовых» служилых людей, а именно Михаил и Осип Григорьевы дети Елизарова, Истома Алексеев сын Черткова и Григорий Иванов сын Новосельцева писались в «выборе» (заслуженное дворянское звание, основанное на давней, непрерывной службе предков), то есть занимали более высокое положение в служилом «городе» и служили в Астрахани. В 1605 году они были отставлены от этой службы. Можно было считать отставку от дальней службы причиной «понижения» их в служебной иерархии. Если бы не наблюдавшееся тогда сокращение общего числа выборных людей во всем служилом «городе» Московского государства. Также в «дворовых», по грамоте Дмитрия Ивановича, было велено писать Якова Васильева сына Мунехина, бывшего в «Космодемьянском головой у татар» [19, л. 26 об.], и Мешка Сумина сына Кровкова, отставленного от Астраханской службы» [19, л. 28].

Тридцать восемь детей боярских были вписаны в десятню 1605 года в «новиках» [19, л. 28 об.]. Остальным пятидесяти двум детям боярским предписывалось служить «с городом».

По десятне 1605 года суммарный денежный оклад «муромцев дворян и детей боярских, новиков служилых и не служилых»

был определен в 866 рублей [19, л. 29]. Для сравнения: суммарный денежный оклад сто тридцати семи «муромцев детей боярских по выбору, дворовых да городовых и новиков служилых и не служилых» к концу XVI века составлял 870 рублей [20, л. 33 об.]. То есть размер денежного оклада всего служилого «города» Муром в период времени конца XVI — начала XVII века практически не изменился.

При анализе денежных окладов служилой корпорации Муром было установлено, что двадцати двум «дворовым» в 1605 году был назначен суммарный денежный оклад в 231 рубль. Суммарный денежный оклад пятидесяти двух муромцев, верстанных с «городом», составлял 390 рублей. Тридцати восьми «новикам служилым и несслужилым» был дан поместный оклад в сумме равный 245 рублям [20, л. 28].

В 1605 году средний размер денежного оклада «дворового» составлял 10,5 рублей, «городового» — 7,5 рублей, «новика» — 6,4 рубля. Для сравнения в 1597 году тридцать восемь муромцев, верстанных в «выборе», и «дворовых» имели общий оклад размером в 282 рубля, со средним денежным окладом 9 рублей. Муромцы, верстанные в том же году в «городовых», в количестве шестидесяти четырех человек, имели суммарный оклад в 393 рубля. Средний размер оклада «городового» составлял 6 рублей. Суммарный оклад тридцати девяти детей боярских, верстанных в том же году в «новиках», равнялся 195 рублям. При среднем размере оклада в 5 рублей. В результате сравнения размеров сред-



них окладов служилого «города» Мурома в конце XVI века и начале XVII века наблюдаем в 1605 году его увеличение.

Максимальный денежный оклад в 1605 году был назначен дворовому Мешку Сумину сыну Кровкова и составлял 14 рублей. Оклады размером от 10 до 12 рублей получили двадцать муромцев, большинство из них числились по списку в «дворовых». Минимальный размер оклад детей боярских составлял 5 рублей. Основная масса служилых людей и детей боярских версталась с денежным окладом размером от 6 до 9 рублей. При этом максимальный размер оклада, назначенный новикам, был 9 рублей.

При верстании в 1597 году двум муромцам был дан оклад в 14 рублей, одному — 13 рублей, двум — 12 рублей, одному — 11 рублей. Остальные дети боярские верстались с денежными окладами от 9 до 5 рублей.

Некоторым муромцам денежное содержание было назначено отдельно от «города». В 1605 году в Москве в сотниках (стрелецкий, казачий сотник — офицер, командир сотни; как правило, назначался из служилых людей; имел право на поместный оклад) служили Федор Григорьев сын Языкова и Илья Булгаков сын Мертвого. В городе в сотниках числился Степан Сарычев сын Караулова. При этом Федор Языков получал денежное содержание из чети, а Илья Мертвой и Степан Караулов от «города» Муром, отдельно от разряда [19, л. 38–38 об.].

В разрядной десятне 1605 года выделены муромцы, которым в прошлом 1604 году была назначена «украинная» служба в городе

Астрахань, сохранявшем во главе с воеводой Головиным верность Московскому царю. За астраханскую службу им были назначены дополнительные к назначенному ранее окладу «другие деньги» в размере от 3 до 5 рублей. В 1605 году эта украинная служба муромцев была отменена. При верстании в 1605 году назначенные двадцати трем служилым людям «другие деньги» за астраханскую службу было предписано у них забрать и «давать тем детям боярским нижегородцам да арзамасцам, которым велено быть на государевой службе в Астрахани сверх прежних их окладов» [19, л. 27]. Всего у муромцев было взято 108 рублей [19, л. 37]. В этом списке оказались муромцы, представители «добрых» родов Борисовых, Власьевых, Дурасовых, Елизаровых, Ивашевых, Киселевых, Чертковых, Новосельцевых, Чирковых и Юматовых, верстанные ранее в «выборных», в «дворовых» и с «городом».

Значительной части муромцев, а именно Грише Микитину сыну Василисова, Оксенке Левонтьеву сыну Крокозова, Осанке Левонтьеву сыну Лихарева, Ивашку Коверину сыну Мещеринова, Богдашке Федорову сыну Костылева, Андрюше Иванову сыну Коверина, Ваську Васильеву сыну Аристову Тишинина, Гневашку Левонтьеву сыну Лихорева, верстанным денежными окладами еще Борисом Годуновым, в 1605 году не было дано денежного содержания [19, л. 40 об.]. Семену Федорову сыну Кагарину «денег не дано потому, что не был о по нем поруки» [19, л. 39 об.]. При разборе в Муроме окладчиками, которые поручались перед боярами, проводившими верста-

ние, за того или иного служилого человека были князья Иван и Михаил Болховские, Иван Мертвой, Селивестр Шильников, Василий Ларионов, Григорий Дурасов, Дружина Осоргин, Истома Чертков и Сума Кровков.

Более двадцати муромцам денежное содержание даже не было назначено, так как они не исполняли государеву службу и не были при верстании [19, л. 41 об.–46]. Семеро из них были «стары и больны», семеро обнищали и покинули свое поместье. У Иванки Васильева сына Оксентьева поместье было изъято из-за болезни [19, л. 48], Якуш Угрюмов сын Лопатина постригся в монахи [19, л. 45 об.]. Трех муромцев, которые «стары и увечны и впредь служить не могли», отставили от службы, не назначив денежных выдач. Но так как у них есть сыновья, которые поспевают к службе, за ними оставили прожиточные поместья [19, л. 41–41 об.]. Федька Третьяков сын Борисова «за жалованием был в неделях» [19, л. 39 об.].

Особенностью разбора в начале XVII века было верстание «из холопов и задворных людей». Так, в Муроме в служилый «город» были вписаны из неимущего сословия Чудин Мосеев сын Антонов и Костянтин Васильев сын Филатов. Возможно, это объясняется недостатком кандидатов для верстания из независимых сословий. Но уже в 1605 году эти люди были «от службы отставлены и отданы по-прежнему в холопство» [19, л. 47 об.].

Сделаем некоторые выводы из анализа верстания детей боярских, муромцев денежными окладами в начале XVII века.

Во-первых, оставался неизменным по

сравнению с концом XVI века суммарный оклад служилой корпорации города размером 866–870 рублей.

Во-вторых, наблюдался рост персональных денежных окладов муромцев. В то же время росло количество служилых людей, которым при верстании из-за отсутствия на службе по различным причинам (смерти, обнищания) не назначали денежный оклад. Если в 1597 году из-за старости и отсутствия на службе денежным окладом не были верстаны девятнадцать детей боярских [20, л. 36 об.–38 об.], то в 1605 году таковых насчитывалось уже тридцать четыре муромца.

В-третьих, уменьшились реальные денежные раздачи детям боярским, производилось даже изъятие денег назад.

Особый интерес вызывает факт невыдачи жалования некоторым муромцам, верстанным денежными окладами при Борисове Годунове. Что это: не признание актов, принимаемых Годуновым или «месть» его рьяным сторонникам? На этот вопрос пока нет ответа. Известно лишь, что многие из этих муромцев были верстаны еще в конце XVI века, до правления Борисова Годунова.

Поместное верстание муромцев по разрядной десятне 1605 года. Большое значение для изучения служилого «города» Муром имеет анализ поместного верстания служилых людей и детей боярских. В отличие от денежного жалования, которое не всегда давалось в соответствии с назначенными окладами и включало в себя не значительные выплаты за службу, поместные надель служилых людей и детей боярских в зависимости от назначен-

ных окладов в конце XVI — начале XVII веков в основном росли. Поместья у служилых людей и детей боярских изымались только в случае невозможности ими по каким-либо причинам выполнять государственную службу. Но даже в данном случае им оставалась часть земель на прожиток. В Смутное время к выморочным, то есть пригодным для поместных дач, стали приравняться поместья изменников-перебежчиков на сторону политических противников. В случае неявки на службу поместье «отписывалось на государя» целиком или полностью. Если служилый человек погибал, то его вдова и дети имели право на прожиточное поместье, дававшее возможность прокормиться, а детям мужского пола по достижении 15-летнего возраста начинать службу. Бездетная вдова, дети женского пола также имели право на прожиточное поместье, которым они могли владеть до смерти, до вторичного выхода замуж или до пострижения в монастырь (в последнем случае нужно было внести вклад, как правило, не земельный, а денежный и т. п.).

В основном размеры поместных наделов муромцев определялись поместными окладами, которые им назначались при верстании. В данном разделе мы познакомимся с поместным верстанием муромцев в начале XVII века и сравним его с аналогичным верстанием в конце XVI века.

В 1605 году максимальный поместный оклад размером в 500 четвертей (в дальнейшем четей) (мера площади равная пол десятины или 1200 кв. саженям) был дан «дворовому» Истому Алексею сыну Черткова.

В основном служилые люди, записанные в «дворовые» (двадцать три человека), имели поместные оклады размером в 450 четей. Оклады остальных шестнадцати дворовых Муромцев были размерами от 400 до 250 четей.

Материалы десятины 1605 года по Мурому подтверждают вывод, сделанный П. В. Седовым при изучении десятины по Водской пятине. П. В. Седов установил, что при верстании в 1605–1606 годах для служилых корпораций уездных городов был установлен максимальный размер оклада в 600 четей [10, с. 79]. Кстати, в Муроме он оказался даже меньше — в 500 четей.

В среднем размер поместного оклада «дворового» составлял 415 четей на человека. Суммарный поместный оклад «дворовых» был равен 16600 четей.

Для сравнения: в 1597 году служилым людям, верстанным в «дворовых», были установлены поместные оклады: одному — в 500 четей, девятерым — в 400 четей. Поместные оклады остальных двадцати четырех «дворовых» были размером от 200 до 350 четей [21, с. 30]. В среднем оклад равнялся 310 четям на человека. Суммарный поместный оклад составлял 10700 четей. Кроме этого, в 1597 году муромцы, верстанные в «выборе», имели оклады размерами: один — в 700 четей, двое — в 500 рублей, по одному — в 400 и 300 четей [21, с. 26]. В среднем — 480 четей на человека. Суммированный оклад «выборных» составлял 2400 четей. Итого суммарный поместный оклад «выборных» и «дворовых» в 1597 году равнялся 13100 четей.

Верстанные в «городовые» в 1605 году де-

ти боярские имели следующие поместные оклады: пятеро — в 450 четей, двое — в 400 четей, восемь человек — в 350 четей. Поместные оклады остальных пятидесяти «городовых» муромцев были размерами от 300 до 100 четей. Средний оклад «городового» составлял 250 четей на человека. Суммарный поместный оклад муромцев, верстанных с «городом», составлял 16800 четей.

Для сравнения в 1597 году муромцам, верстанным с «городом», были установлены поместные оклады размерами: двум — в 450 четей, двум — в 400 четей, одному — в 350 четей. Оклады остальных пятидесяти девяти «городовых» были размерами от 250 до 100 четей [21, с. 36]. В среднем размер оклада составлял 210 четей на человека. Суммарный оклад всех «городовых» муромцев равнялся 13850 четям.

Верстанные в «новики» еще в 1603 году, в 1605 году муромцы, дети боярские, имели поместные оклады: восемь человек — в 300 четей, пять человек — в 250 четей. Оклады остальных двадцати трех «новики» были размерами от 200 до 100 четей. В среднем оклад составлял 200 четей на «новика». Суммарный оклад всех «новики» равнялся 7300 четей.

Для сравнения при верстании в 1597 году «новикам» были установлены поместные оклады: одному — в 500 четей, двум — в 300 четей, десятерым — в 250 четей. Размеры окладов остальных двадцати шести «новики» были в интервале от 200 до 100 четей [21, с. 38]. В среднем оклад «новика» составлял 170 четей на человека. Суммарный оклад

всех «новики» тогда составлял 7150 четей.

За период с 1597 года по 1605 год размеры окладов муромцев увеличились в основном на 50–100 четей. При этом у некоторых муромцев наблюдался значительный рост поместных окладов. Так, размеры окладов Афанасия Федорова сына Киселева, Григория Михайлова сына Бокеева, Герасима Михайлова сына Дурасова, Федора Алексея сына Борисова увеличились на 200 четей. Оклады князя Ивана Федоровича Болховского, Андрея Васильева сына Ивашева, Якова Иванова сына Мунехина, Ивашки Григорьева сына Черткова, Ивашки Васильева сына Дурасова, Ивашки Юрьева сына Осоргина, Петра Алексея сына Власьева, Федора Григорьева сына Языкова, Василия Микифорова сына Ларивонова, Якова Безсонова сына Лукина, Селивестра Андреева сына Шильникова, Игнатия Китаева сына Лукина выросли на 150 четей.

В основном значительно увеличились размеры окладов служилых людей, верстанных в «дворовых». Поместные оклады Истомы Алексея сына Черткова размером в 500 четей, оклады Владимира Григорьева сына Чиркова и Ивана Афанасьева сына Борисова размерами в 400 четей, Андрюшки Прокофьева сына Волохова в 300 четей, Бориса Астафьева сына Муромцева, Бориски Иванова сына Плотцова, Петрушки Мордвинова сына Копнина и Сотника Панкратьева сын Савина в 250 четей, Дружины Раздонова сына Лупандина в 200 четей, Ивана Богданова сына Муромцева, Филатки Васильева сын Анникова, Ивана Каверина сына Мещеринова



и Парфеньки Сидорова сына Соболева в 150 четей, Федора Григорьева сына Муромцева в 100 четей за период с 1597 года по 1605 год не изменились.

Из сказанного выше следует, что в начале XVII века поместные оклады большинства муромцев выросли. Но их увеличение было неравномерным. В значительной степени поместное верстание представителей служилого «города» зависело от их службы. Выявленные выше отклонения от средней по «городу» величины роста окладов объясняются «успехами» или «упущениями» по службе вышеупомянутых муромцев. При дальнейшем исследовании поместного верстания в начале XVII века придем к выводу, что определенную роль играла принадлежность к знатным муромским родам.

При сложении размеров поместных окладов, назначенных представителям служилого «города» Муромца, верстанных в 1605 году, получаем суммарный оклад в размере 40700 четей. Для сравнения в 1597 году сумма окладов служилых муромцев составляла 34100 четей. То есть к началу XVII века, по сравнению с данными на конец XVI века, суммарный поместный оклад служилой корпорации увеличился на 18 %. Это привело к росту за этот период времени среднего оклада муромцев также на 16–18%. При этом значительно увеличились суммарные размеры поместных окладов «городовых» (на 24 %) и «дворовых» (на 27 %). Сумма же окладов всех новиков выросла в начале XVII века по сравнению с концом XVI века лишь на 2 %. Напрашивается вывод о том, что как в XVI,

так и в XVII веках детям боярским, только начинающим службу, изначально давались невысокие оклады. Последующее увеличение размеров окладов было своего рода стимулированием службы.

Состав служилой корпорации Муромца в начале XVII века. Сравнивая количество служилых людей и детей боярских, верстанных в конце XVI и в начале XVII века, выявляем, что состав служилого «города» к началу XVII века существенно не изменился. Если в 1597 году числилось в «дворовых» — тридцать восемь человек, в «городовых» — пятьдесят пять человек, то по десятне 1605 года было верстано в «дворовых» — сорок человек, в «городовых» — шестьдесят пять человек.

Фамильный состав служилой корпорации Муромца в 1605 году был следующим. Княжеский род Болховских представляли четыре человека. Род Дурасовых — восемь человек, род Борисовых — шесть человек, рода Мертвых и Языковых — по пять человек. Крокозовы, Лукины и Лупандины, имели в служилой корпорации по четыре представителя; Араповы, Кровковы, Муромцевы, Оксентьевы, Савины и Чертковы — по три представителя; Вережкины, Ворыпаевы, Елизаровы, Загарины, Чаадаевы, Чирковы, Карауловы, Киселевы, Колычевы, Копнины, Лихоревы, Мещериновы, Опраксины, Репьевы и Юматовы — по два представителя. Остальные фамилии были представлены в служилом «городе» одним человеком.

При этом в высшем слое корпорации в «дворовых» числились пять представителей рода

Дурасовых, четверо князей Болховских, по три человека из родов Мертвых и Чертовых, по два представителя от Борисовых, Елизаровых, Чаадаевых, Чирковых, Киселевых, Осоргиных Опраксиных, Юматовых, Языковых и один Савин.

Исходя из анализа фамильного состава служилого «города» в начале XVII века, устанавливаем, что наиболее весомыми в служилой корпорации были княжеский род Болховских, рода Дурасовых, Борисовых, Крокозовых, Лукиных, Лупандиных, Мертвого, Языковых и Чертковых. Представители этих же родов составляли основу служилой корпорации Муром в конце XVI века. При этом в начале XVII века из состава служилого «города» исчезли Волынские, Анников, Головин и Неметцкой (Замятцкой), но в нем появились Плещеев, Карпов, Панов и Чуркин. Это были незначительные изменения в фамильном составе корпорации. Основной причиной исчезновения фамилий была смерть служилых людей. А новые фамилии появлялись в основном из юго-западных регионов Руси, охваченных Смутой.

По-разному проходила служба муромцев. Некоторые из них в начале XVII века добились значительного повышения в иерархии служилого «города». Например, Осип и Михаил Григорьевы дети Елизарова, князь Иван княж Иванов сын Болховской, Михаил Семенов сын Чаадаева, Иван Арапов сын Карпова, Федька Нелюбов сын Лукерьева, которые в 1597 году даже не числились в служилой корпорации, в 1605 уже были верстаны в «дворовых». Начиная в 1597 году службу

в «новиках», князь Василий княж Михайлов сын Болховской, Иван Александров сын Ершова и Мосейко (Михаил) Григорьев сын Языкова, а также служившие в том же году с «городом» князь Михаил княж Петров сын Болховской, Григорий Игнатьев сын Юматова и Ларион Васильев сын Арапова, в 1605 году также верстались «дворовыми». Все они в основном являлись представителями указанных выше «добрых» муромских родов. Это позволяет сделать вывод о том, что местничество, то есть принадлежность к знатым родам, в регионах в начале XVII века было определяющим при назначении службы детям боярским.

Часть служилых людей, верстаных для службы, находились на административных должностях в городе и уезде. Как правило, их выбирала служилая корпорация. Так, в 1605 году приказными людьми в Муроме были Семен Чертков, по всей видимости, Семен Субботин сын Черткова, верстаный в «дворовых», Иван Опраксин, вероятнее всего, Иван Федоров сын Опраксин, верстаный в «городовых» [22, с. 454]. По Разрядной записи 1607 года «в Муроме был приказной человек Иван Чаадаев, да губной староста Иван Мертвой, да городской приказчик Иван Опраксин» [11, с. 260]. Ранее, в десятне 1605 года, Иван Третьяков сын Мертвой был верстан в «дворовых» [19, л. 4].

В заключение отметим, что за период с конца XVI века по начало XVII века существенно не изменился количественный состав «города». Некоторое уменьшение служилой корпорации произошло по причинам смерти,

увечья и обнищания детей боярских. Если к 1597 году умерло пять муромцев [20, л. 43–43 об.], то в 1605 году по причине смерти не насчитались уже двадцать три человека [19, л. 49–49 об.].

Верстание служилого «города» в начале XVII века проходило на фоне роста суммарного поместного оклада всей служилой корпорации. Размеры окладов значительной части муромцев увеличились, хотя и не равномерно. Рост окладов зависел от службы человека и его принадлежности к определенному роду. Так как денежное содержание выплачивалось служилым людям не регулярно, поместные дачи были основным стимулом их службы. Тех же, кому не было дано денежного содержания, обязывали служить с поместных земель. А десятерым муромцам, недорослям было предписано «жить на отцовых прожиточных поместных землях, а в дальнейшем служить с этих поместий» [19, л. 46 об.–47 об.].

Как утверждает П. В. Седов, верстание 1605–1606 годов открывает череду смотров служилых городов. Перерыв между смотрами 1605–1606 годов и 1621–1622 годов составлял целых пятнадцать лет, прекращение верстаний и разборов совпало со «Смутным временем», разрушившим отлаженную систему учета уездного дворянства [10, с. 80–81]. Проводя верстание в 1605 году, правительство «Лжедмитрия» стремилось привлечь на службу больше дворян и детей боярских и получить полную информацию о состоянии уездных дворянских корпораций.

По-разному сложилась судьба муромцев в

последующем 1606 году. После восшествия на престол Василия Шуйского ему «целовали крест» дворяне Григорий Внуков сын Языкова, князь Иван Иванов сын Болховского, Иван Неудачин сын Плещеева, Федор Дурасов, Микифор Мертвой, Федор и Михаил Григорьевы дети Языкова. В то же время другие дворяне, а именно: Григорий Федоров сын Елизарова, Михаил Григорьев сын Елизарова и Семен Субботин сын Чаадаева, присягнули самозванцу. В измене Московскому царю были уличены также дворяне Петр Александров сын Власьева, Григорий Иванов сын Новосильцева, Иван Григорьев сын Черткова, Иван Гаврилов сын Мертвой, дети боярские Иван Федоров сын Чюркина, Петр Мордвинов сын Копнина, Петр Ратаев и Данила Рыцарь [6].

В 1608 году на службе в Волхове с боярином Д. И. Шуйским <...> состояли Дружина, Иван, Юрий и Дмитрий Юрьевы дети Осоргина [23, л. 337–338].

В 1609–1610 годах в обороне Москвы от поляков принимали участи Михаил Семенов сын Чаадаева [24, л. 663], Алексей Григорьев сын Чиркова [24, л. 683], Григорий Петров сын Черткова [24, с. 676], Никита Григорьев сын Чиркова [24, с. 694], Григорий Андреев сын Плещеева [24, л. 471], Иван Григорьев сын Плещеева [24, л. 477], Степан Осипов сын Караулова [24, л. 488] и Михаил Григорьев сын Елизарова [24, л. 492]. За данную службу позднее им были жалованы вотчинные земли.

В то же время в противоположном лагере находились муромцы, дети боярские Алексей Чирков, Степан Васильев сын Мертвой и Иван

Богданов сын Ворыпаева.

Анализ «наполняемости» землями поместных окладов муромцев в 20–50-е годы XVII века. При анализе отказных и отделенных грамот выявляем, что средний размер поместных окладов, исследованных пятидесяти четырех муромцев в период с 1620 года по 1650 год был равен 388 четям. Средний размер поместных землевладений этих муромцев в этот период времени равнялся 211 четей. То есть реальная «наполняемость» окладов муромцев, детей боярских, землями составляла 54 % от оклада. Сравним эти данные с данными по «наполняемости» окладов землями в 1631–1646 годах дьяков и стряпчих, служилых людей и жильцов, полученными из тех же документов Поместного приказа. При среднем размере поместных окладов шести дьяков и стряпчих в 600 четей средний размер их землевладений равнялся 461 четям, что составляло 78 % от их оклада. При среднем размере поместных окладов шести служилых людей в 850 четей средний размер их землевладений равнялся 477 четям. Процент «наполняемости» земель их окладов был приблизительно равен проценту наполняемости окладов муромцев и составлял 56 %. Жильцы обеспечивались землями хуже дьяков и служилых людей. Так, в период с 1629 года по 1647 год при среднем размере поместных окладов шестнадцати жильцов в 475 четей средний размер землевладений этих же жильцов в этот период времени равнялся 225 четям. То есть «наполняемость» их окладов землей составляла всего 47 %.

Основной причиной недодачи земель в по-

местья детям боярским был недостаток «порожних» (земли, которые, на момент отказа не имели законных владельцев) земель в северо-восточном регионе Руси.

Другая причина заключалась в том, что муромцам самим приходилось выискивать свободные от землевладельцев земли и писать челобитную царю с просьбой дать им эти земли. По сложившемуся тогда правилу «порожние» земли отказывались в первую очередь родственникам прежних землевладельцев, а именно: сыновьям, братьям, находящимся на государственной службе. Дьяки и стряпчие, находясь непосредственно в различных органах власти, возможно, использовали свое служебное положение для получения земель. Этим можно объяснить их сравнительно большие земляные наделы.

Исследования поместных окладов и размеров землевладений позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, налицо различие в даче поместных землевладений представителям разных муромских родов. Так, наиболее высокую «наполняемость» окладов землей имели служилые люди, представители рода Борисовых — около 80 % от размера оклада, наименьшую представители рода Мещериновых — менее 40 % от размера оклада. Наиболее крупные поместные землевладения были даны представителям родов, которые в то время владели в Муромском уезде вотчинными землями.

Во-вторых, положение человека в служилой корпорации определяло отношение размера поместного землевладения муромца к



размеру его оклада. На фоне неполной «наполняемости» поместных окладов землями основной массы муромцев некоторых из них имели поместные землевладения по размерам, равным их окладам. Так, Сергей Максимов сын Юматова в 1641–1645 годах при размере оклада в 300 четей имел во владении 304 чети земли [25, л. 535, 585]. За Дубенским Иваном в 1636–1640 годах при окладе размером в 450 четей значилось в поместье 450 четей [25, л. 648]. Киков Иван имел в 1641–1645 годах оклад и реальные поместные землевладения размерами в 200 четей [25, л. 633]. При этом не наблюдалось ни одного случая существенного превышения дачи земель в поместье муромцам сверх их поместных окладов.

Напротив, множество примеров очень малого заполнения окладов муромцев землей. Так, Алексей Григорьев сын Чиркова при окладе в 900 четей имел в 1636–1650 годах в поместье всего 258 чети земли [25, л. 1085]. Землевладение другого представителя рода Чирковых, Григория Григорьева сына, при окладе в 650 четей было размером в 229 чети [25, л. 1418]. В 1636–1646 годах поместные надель Остама Мещеринова с окладом в 200 четей [25, л. 1264], Григория Семенова сына Нагирина, имевшего оклад в размере 250 четей [25, л. 530], Гаврилы Шадринина с окладом в 250 четей [25, л. 768], Семена Иванова сына Юматова, имевшего оклад размером в 350 четей [25, л. 728], были размерами меньше 50 четей у каждого. Петр Юматов при окладе в 400 четей имел в 1636–1640 годах в поместье 87 четей земли [25, л. 644]. Другой Муромец

Иван Дружинин сын Лупандина, имевший в 1636–1640 годах оклад в 250 четей, владел 61 четью земли [25, л. 480].

Заключение. Проведенное в Муроме в 1605 году верстание служилых людей и детей боярских определило служебную корпорацию города, которая за годы «раздора» в государственном управлении в начале XVII века не утратила своего влияния в регионе.

В последующие годы смутного времени служилые люди, не имея постоянного денежного содержания, питаясь с опустошенных поместий, метались из одного лагеря в другой. Часть из них оставались преданными Московскому царю, другие перешли на сторону самозванца.

После восшествия на царский престол Михаил Федорович Романов производил лишь нерегулярные денежные дачи служилым людям. Вплоть до двадцатых годов XVII века не имеется сведений о поместных дачах муромцам. Начиная с двадцатых годов XVII века, после проведения очередного смотра служилых людей уездных городов, возобновился процесс поместного верстания прежде всего муромцев, служивших во дворе. Этот процесс продолжался вплоть до 50-х годов XVII века. В 1630 году служилый «город» Муром был переведен на новый порядок учета — статейный, исключаяющий прежние названия видов службы: «выборные, дворовые, городовые».

В 20–40-х годах XVII века в Муроме, как и во всех других уездных городах Руси, активно проводилась поместная политика, в ходе которой увеличивались размеры поместных окладов основной массы представителей слу-

жилой корпорации. При этом наблюдалось различие в динамике роста окладов Муромцев в течение их службы. На фоне стремительного роста окладов части служилой корпорации некоторые муромцы продолжали служить с поместных окладов, размеры которых не менялись на протяжении десятилетий. До 30-х годов XVII века в служилой корпорации Муромы росло количество служилых людей, верстанных служить в «выборе», при этом им давались достаточно высокие поместные оклады.

Существенным недостатком поместной политики того времени было то, что размеры реальных землевладений муромцев, служилых людей и детей боярских были значительно меньше размеров их поместных окладов. Это, естественно, сказывалось на готовности к службе этих Муромцев. Тем более, анализ состояния этих поместных землевладений в первой половине XVII века выявил их слабое хозяйственное состояние по сравнению с вотчинными землевладениями. Увеличить поместные дачи было невозможно из-за нехватки «порожних», т. е. свободных земель в замосковных уездах, в том числе в Муромском.

Примечания

1. Российский государственный архив древнейших актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Столбцы Московского стола. N 1132. Столбцы 1.

2. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. N 1074. Столбцы 12.

3. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / ред. О. Бочкарева. М., 1960. Книга 4.

4. Ульяновский В. И. Российский самозванец Лжедмитрий I. Киев, 1993.

5. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 11.

6. Акты служилых землевладельцев XV–XVII веков. М.: Памятник исторической мысли, 1998. Т. 2. N 510.

7. Эскин Ю. М. Смута и местничество. // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3.

8. Морозов Б. Н. Важные документы по истории восстания Болотникова // История СССР. 1985. N 2.

9. Акты служилых землевладельцев XV–XVII веков. М.: Памятник исторической мысли, 1998. Т. 2. N 509.

10. Служилый «город» Московского государства XVII века: от Смуты до Соборного уложения. Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2000.

11. Белокуров С. А. Разрядные записи за смутное время 7113–7121 гг. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1907.

12. Полное собрание русских летописей. М.: Постоянная Историко-археологическая Комиссия Академии наук СССР. 1920. Т. 14.

13. Тюменцев И. О. Минские чтения: труды научной конференции. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2007.

14. Акты исторические. СПб.: Археологическая Комиссия, 1841–1842. Т. 2. N 987.

15. Сборник князя Хилкова. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1879. N 12.

16. Акты исторические. СПб.: Археологическая Комиссия, 1841–1842. Т. 2. N 224.

17. Акты XIII–XVII веков, представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков. М., 1898. Ч. 1. N 294.

18. Дворцовый Разряд 1612–1628 гг. СПб, 1850. Т. 1.

19. Разрядная десятня по Мурому 1605 г. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 9.

20. Разрядная десятня по Мурому 1597 г. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 9.

21. Ершов В. Е. Муромцы, служилые люди и дети боярские в XVI веке. Муром: Свято-Троицкий епархиальный женский монастырь, 2007.

22. Акты служилых землевладельцев XV–XVII веков. М.: Памятник исторической мысли, 1998. Т. 2.

23. РГАДА. Ф. 388. Ед. хр. 845.

24. Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда 1628–1630 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. К. 284.

25. Отдельные, отказные, раздельные, обыскные и меновые книги поместий и вотчин Муромского уезда 1622–1678 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 2. Кн. 11847.